

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XIX века

Константин Николаевич Батюшков

1787—1855

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны¹ молодой.
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты²
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой.

¹ *Серна* — парнокопытное животное семейства полорогих, горная антилопа.

² *Ланита* — щека.

Я настиг — она упала!
И тимпан¹ под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности, лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастье жить!

Но вы, о, други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,

¹ *Тимпан* — древний музыкальный инструмент, бубны, литавры, барабан.

С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем,
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С золатыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

Я, любовью упоенной,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темной
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна,
Улыбаясь наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полную чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили¹ рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О, радость! радость! Вакх веселой
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья насладенья

¹ Почить — (зд.) уснуть.

Не могут их сдержатъ стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубитъ радость и покой,
Луга веселые, зелены.
Ручьи кристалльные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетаютъ вѣчну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратномъ поле,
Судилъ мнѣ рокъ сномъ вѣчнымъ спать?
Свирель и чаша золотая
Тамъ будутъ в прахѣ истлевать;
Покроетъ ихъ трава густая.
Покроетъ, и ни чьей слезой
Забвенный прахъ не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и все умретъ со мной!
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в рукахъ,
С любовью, с дружбой на устахъ.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: парки часъ настанетъ.
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердцу медленнее билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизньъ души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцелуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали —

От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти — чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды и глад и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру, стезею потаенной,
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатай неизменной?
Он! Он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой,
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его: и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат¹ в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой

¹ *Булат* — (зд.) стальной клинок, меч.

И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелкою на воде.

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпением рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давно желанных скал.
Проснулся он: и что ж? отчизны не познал.

ТАВРИДА¹

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.

¹ *Таврида* — одно из исторических названий древнего и средневекового Крыма.

Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком,
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает

Под говором деревьев, пустынных птиц и вод.
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает среди полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки,
О радость! ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей¹ покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг — не смеет и вздохнуть:
Потупя взор стоит, дивится и немеет.

¹ Денница — утренняя заря.

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.

*Propertius*¹

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.

Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум, и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Все сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды² томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?... предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И все небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин, вечно
милый!

¹ Души усопших не призрак: не все кончается смертью;
Бледная тень ускользает, скорбный костер победив.

Проперций (лат.)

² *Вежды* — глаза.

Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! Ответствуй, милый брат!
Или протекшее все было сон, мечтанье;
Все, все — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твоё воспоминанье?
О! молви слово мне! Пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горный дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез — и сон покинул очи.

Все спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

Элегия

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame; ed ogni onore,
Sembro languido fiore!

Che piu spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che piu giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrim! Ahi dolore!

«*Torrismondo*», tragedia di T. Tasso¹

Какое торжество готовит Древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры² сладкий дым,
Душистых трав кругом кошницы³ полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирная столица,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?
К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвией течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?
Кому триумф? — Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима!
И шум веселия достиг до кельи той,

¹ Подобно горному, быстрому потоку, подобно зарнице, вспыхнувшей в ясных ночных небесах, подобно ветерку или дыму или подобно стремительной стреле проносится наша слава; всякая почесть похожа на хрупкий цветок! На что надеешься, чего ждешь ты сегодня? После триумфа и пальмовых ветвей одно только осталось душе — печаль, и жалобы, и слезные песни. Что мне в дружбе, что мне в любви? О, слезы! О, горе!

«*Торрисмондо*», трагедия Т. Тассо (итал.)

² *Мирра* — ароматическая смола, получаемая из тропических деревьев.

³ *Кошница* — узкая и глубокая плетеная корзина, расширяющаяся кверху.